

УДК 910.4

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/29-38>

М.С. Михалев*

БУРЯТЫ-ПРОВОДНИКИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Имена бурятских переводчиков и проводников, сопровождавших географические экспедиции в Центральной Азии конца XIX – начала XX вв. и представленных к российским и зарубежным наградам за свои достижения, сегодня знакомы лишь узкому кругу специалистов. В данной статье предпринята попытка анализа истоков и предпосылок возникновения феномена бурят-проводников. Автор приходит к выводу о том, что его появление стало возможным в связи с развитием трансграничной торговли России и Китая в Кяхте, которая благодаря инвестициям в культуру и образование к середине XIX в. стала не только коммерческим, но и интеллектуальным центром Азиатской России. В свою очередь, это заложило основу для появления здесь целой плеяды талантливых бурятских проводников, соединивших в себе укорененность в народной культуре и знакомство с передовыми научными знаниями своего времени.

Ключевые слова: буряты, проводники, географические экспедиции, Кяхта, российско-китайская торговля

Buryat guides of geographical expeditions as a historical and cultural phenomenon. MAXIM S. MIKHALEV (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

The names of the Buryat interpreters and guides who accompanied geographical expeditions in Central Asia in the late XIXth and early XXth centuries and were nominated for Russian and foreign awards for their achievements are known only to a few specialists today. The article attempts to analyze the origins of the phenomenon of Buryat guides. The author concludes that its emergence became possible due to the development of cross-border trade between Russia and China in Kyakhta, which by the mid-XIXth century, thanks to investments in culture and education, became not only a commercial but also an intellectual center of Asian Russia. In turn, this paved the way for the galaxy of talented Buryat guides who managed to remain deeply rooted in their own traditional culture while getting an access to the latest scientific knowledge of their time.

Keywords: Buryats, local guides, geographic expeditions, Kyakhta, Russia-China border trade

* МИХАЛЕВ Максим Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, maxmikhalev@yahoo.com

© Михалев М.С., 2024

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.).

Введение

Проводники и каюры в целом и проводники научных экспедиций в частности довольно часто оказываются героями повествований, выходящих из-под пера этнографов и представителей других наук, связанных с проведением полевых исследований. Им посвящают не только отдельные главы или статьи, но и целые монографии, а иногда даже художественные произведения. Возможно, одним из самых известных сочинений, посвященных этим неизменным помощникам ученых, является повесть «Дерсу Узала» Владимира Клавдиевича Арсеньева [3]. Выдающийся исследователь Дальнего Востока, сделал своего проводника главным героем книги и таким образом увековечил его имя. Схожая история произошла и с Улукитканом, эвенкийским следопытом, которого обессмертил Григорий Федосеев, геодезист, чьи увлекательные повести вошли в золотой фонд советской приключенческой литературы и способствовали популяризации и романтизации данной профессии [24].

Широкая популярность указанных выше сочинений привела к тому, что эти существовавшие в реальной жизни проводники приобрели черты былинных героев. Во многом это произошло потому, что по произведениям Федосеева и Арсеньева были сняты художественные фильмы, превратившие Дерсу и Улукиткана в имена нарицательные. Вместе с тем упоминания о проводниках и посвященные им истории можно встретить и на страницах других, менее известных сочинений за авторством полевых исследователей, где неизменно подчеркивается важнейшая роль, которую те играли в успехе/неуспехе их предприятий [6, с. 29; 22]. При этом до настоящего времени было предпринято не так много попыток осмыслить, в категориях науки о человеке, характерные особенности и социальную роль проводников вообще и проводников экспедиций в частности [8; 10; 12; 13]. Это тем более досадно, если вспомнить о том, что в последнее время эта профессия находится на грани исчезновения, а вклад проводников в историю науки и – в не меньшей степени – в историю взаимоотношений коренных народов и т.н. «представителей цивилизации» значителен и многогранен. Стоит отдельно подчеркнуть, что в большинстве случаев эта роль заключается в сопровождении исследователей в ходе их путешествий по хорошо знакомой самим проводникам территории, секретами которой они готовы возмездно или безвозмездно с ними поделиться. Проводники при этом редко покидают места своего проживания или кочевания. Отдельные исключения, такие как дальневосточный каюр Степан Иннокентьевич Расторгуев, сопровождавший энтомолога О. Герца и полярного исследователя И.Д. Черского, а затем объехавший почти всю страну, лишь подтвер-

ждают общее правило [4]. В этом смысле особого внимания и отдельной научной рефлексии заслуживает феномен проводников из числа коренных жителей российского Забайкалья. Дело в том, что буряты, проживавшие здесь неподалеку от границы России с Монголией, до 1911 г. входившей в состав Китая, прославились не благодаря сопровождению экспедиций на своей малой родине, а в связи с участием в крупнейших исследовательских проектах конца XIX – начала XX вв., реализовывавшихся за тысячи километров от нее.

Географические экспедиции в Центральной Азии, которые проходили по территории таких районов Китая, как Внутренняя и Внешняя Монголия, Цинхай, Тибет и Синьцзян, прославили их лидеров и организаторов – Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского, М.В. Певцова, П.К. Козлова, Г.Н. и А.В. Потаниных и др. Однако многие их крупные открытия стали возможны лишь благодаря помощи местных проводников, многие из которых были бурятами. Помогали они и иностранным путешественникам. Хорошо знакомые с тибетским и монгольским наречием и превосходно понимавшие менталитет коренных обитателей внутренних районов Азии, они в конце концов превратились в таких же исследователей далеких от своей малой родины стран, как и те ученые, которых они сопровождали. С одной стороны, будучи нанятыми в качестве проводников, они должны были обеспечивать бесперебойное функционирование и безопасность караванов, включая переговоры с местным населением и властями, снабжение участников экспедиции всем необходимым и ориентирование на местности. С другой стороны, находясь почти в той же степени, что и русские путешественники, в иноязычном окружении и в непривычных для себя условиях, они одновременно были вынуждены становиться еще и исследователями неизвестных им самим пространств. В подобной роли сложно представить «классических» проводников, таких как Дерсу Узала, которые делились с учеными и путешественниками лишь сокровенным знанием «родной» местности.

Неслучайно, что многие из героической плеяды бурятских проводников рубежа XIX–XX вв. оказались в результате отмеченными официальными наградами и получили признание в академической среде как в России, так и за ее пределами. Их вклад в исследование обширных пространств Центральной Азии был, таким образом, приравнен к вкладу ученых-руководителей экспедиций. Несмотря на это, а также на наличие небольшого числа статей, в которых описаны их жизнь и достижения [2; 15], феномен бурят-исследователей в целом пока не стал предметом научной рефлексии. Данная статья призвана частично восполнить эту лакуну.

Биографии бурятских проводников

В 1858 и 1860 гг. Россией и Китаем были подписаны, соответственно, Тяньцзиньский и Пекинский трактаты, определившие линию пограничного разграничения, а также регламентировавшие торговые отношения между двумя странами. В результате у российских ученых и исследователей появилась возможность изучения внутренних районов континента, входивших на тот момент в состав империи Цин. Монголия, Цинхай, Тибет и Синьцзян были практически неизвестны европейской науке, не были картографированы должным образом и не изучались подробно с точки зрения географии, геологии, ботаники, этнографии и иных научных дисциплин. Эту задачу и взяли на себя российские исследователи, экспедиции которых во внутренние районы континента стало организовывать Императорское Русское Географическое Общество (ИРГО). В связи с тем, что в эпоху противоборства за влияние в Азии ряда европейских государств, в частности – России и Великобритании, Китай рассматривался как одна из арен противостояния, среди заказчиков и спонсоров этих экспедиций был и Генеральный штаб Российской империи. Многие крупные исследователи того времени состояли на воинской службе, хотя задача сбора военно-стратегической информации и не была для них приоритетной [1, с. 109].

Воротами в Азию и точкой старта для многих экспедиций того времени стали Кяхта и Троицкосавск, расположенные в Забайкалье непосредственно на границе с Китаем. Именно здесь формировались караваны исследователей, именно сюда они возвращаясь из странствий по Центральной Азии и делились с согражданами результатами своих научных изысканий. Не случайно, что в Троицкосавске было даже открыто отделение ИРГО, а городской музей стал настоящей сокровищницей Сибири, богатством своих коллекций соперничая со столицами. Важнейшей проблемой, стоявшей перед географическими экспедициями, отправлявшимися во внутренние районы континента, был поиск квалифицированных проводников и переводчиков. Обладавшим множеством талантов русским исследователям требовались не просто знатоки караванных троп и горных дорог или люди, способные обустроить бивак и организовать снабжение участников похода гужевым транспортом и продуктами питания. Не владевшие местными наречиями и не знакомые со стилем мышления и образом жизни коренного населения Азии, эти представители европейской культуры еще больше нуждались в опытных дипломатах и переводчиках. Предполагалось, что те смогут обеспечить беспрепятственное продвижение экспедиции по территориям, находящимся под контролем практически независимых местных прави-

телей, а также гарантировать ее безопасность, вступая в контакты с представителями местного населения в тех случаях, когда этого требовала обстановка. Настоящей находкой в этой ситуации стали буряты Троицкосавского уезда, и в особенности те из них, кто принадлежал к казачьему сословию. Именно они стали незаменимыми спутниками большинства русских путешественников. Несмотря на то что вплоть до самого последнего времени об этих людях было известно очень немного, активная работа местных краеведов и внимание части российских историков к данному вопросу позволили вернуть из небытия имена некоторых, особо отличившихся бурятских проводников.

Первым в ряду этих незаменимых помощников можно поставить Дондока Гуржаповича Иринчинова (Ринчинова). Уроженец местности Цаган-Челутай, расположенной на монгольской границе, он, вместе с еще одним казаком, Панфилом Чабаевым, в 1870 г. присоединился в китайском Калгане к первой экспедиции Н.М. Пржевальского и с тех пор неизменно сопровождал великого путешественника в его странствиях по Центральной Азии. Иринчинов, который обладал даром находить выход из самых безвыходных ситуаций, стал в какой-то мере его талисманом, и Пржевальский, обычно скупой на похвалу, называл его Дидоном Мудрым и посвятил кяхтинскому казаку много благодарственных строк в своих отчетах. Дело при этом не ограничилось одним лишь словесным одобрением. Заслуги простого забайкальского бурята были по достоинству оценены и в ИРГО, которое в 1881 г. наградило его своей малой серебряной медалью [16, с. 26]. К сожалению, в четвертой экспедиции по Центральной Азии между Иринчиновым и Пржевальским, уличившим его в нарушении дисциплины, возникло временное недопонимание, и отношения между ними испортились. Отказ забайкальского казака принять участие в пятой экспедиции Пржевальского, оказавшейся для него последней, произвел на великого путешественника удручающее впечатление, ибо достойной замены своему бурятскому спутнику он так и не нашел. Дальнейшая судьба Дондока Гуржаповича изучена слабо. Известно лишь, что он был избран почетным судьей Шарагольской станицы. В Цаган-Челутае и в других районах Республики Бурятия продолжают жить его прямые потомки – Цыренжап Иванович Ринчинов, Цыден Иванович Ринчинов и Дарима Ивановна Тунглакова [19]. Местные краеведы тем временем не оставляют надежды увековечить его память должным образом. Не так давно их стараниями, к примеру, была воссоздана изба Иринчинова, которую в Кяхтинском районе вполне в духе времени планируют превратить в туристический объект.

Если Дондок Иринчинов «довольствовался» серебряной медалью ИРГО и благодарственными строками в произведениях Н.М. Пржевальского, то два других проводника-буряты, Гомбо Шагдуров и Элбек-Доржи Чердонов, приобрели, без преувеличения, всемирную славу. Знаменитый шведский путешественник Свен Гедин даже посвятил им свою книгу «Тарим – Лоб-Нор – Тибет: Путешествие по Азии 1899–1902 г.», написанную им по результатам экспедиции в Тибет [7]. Несмотря на то что он с благодарностью отзывался почти обо всех своих проводниках, только Шагдуров, который кроме всего прочего исполнял обязанности метеоролога, и Чердонов, которого сам Гедин называл «своей правой рукой», удостоились подобной чести от прославленного исследователя. Немаловажно и то, что их вклад отметили также шведский король Оскар, наградивший двух забайкальцев золотыми медалями, и император Николай II, вручивший им ордена Св. Анны [18]. К великому сожалению, имена двух бурятских казаков мало известны на их родине, и о том, как сложились их судьбы после окончания экспедиции Свена Гедина, нам практически ничего не известно.

На самом деле практика сопровождения иностранных научных экспедиций по Центральной Азии и Китаю российскими казаками была в те годы распространена довольно широко. При этом взаимодействие путешественников и проводников не всегда оказывалось настолько гладким и эффективным, как это было в случае с Шагдуровым и Чердоновым, которые в конце концов оказались героями специальной серии открыток, выпущенных в Европе по мотивам экспедиции. Довольно грустная история, к примеру, приключилась с оренбургскими казаками, направленными сопровождать немецких естествоиспытателей Футтерера и Гольдерера в их путешествии по Синьцзяну. Николай Петров, Хафиз Яшиев и Гатаулла Койбагаров не просто не удостоились славы и не получили награды за свои труды, но и претерпели серьезные лишения и с большим трудом смогли вернуться к себе домой. Немецкие путешественники, в свою очередь, также не могли скрыть своего разочарования и избавились от сопровождающих их оренбургских казаков при первой возможности [26, с. 919–942].

В противоположность этому, отзывы о проводниках-бурятах были, как правило, положительными, и все последующие российские экспедиции в Центральной Азии включали их в свой состав. К примеру, в Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг., проходившей под руководством П.К. Козлова, приняли участие препаратор Арья Мадаев из улуса Гуджертуй, конвоиры Бу-

янты Мадаев и Бабасан Содбоев из улуса Шарогол, а также переводчик с монгольского Гомбожап Бадмажапов из Цаган-Челутая. На страницах своего экспедиционного дневника Петр Кузьмич не жалеет добрых слов в адрес своих бурятских спутников, постоянно подчеркивая их вклад в успех экспедиции [9, с. 27].

Особняком в этом ряду бурятских переводчиков и проводников, сыгравших существенную роль в исследованиях Центральной Азии, стоит фигура Цокто Гармаевича Бадмажапова (1879–1937). Уроженец казачьей станицы Шарагол Троицкосавского уезда, он окончил приходскую школу и грамотно изъяснялся на русском языке, при этом мог также неплохо говорить по-монгольски в связи с тем, что еще с детства помогал местным скотопромышленникам перегонять скот в Монголию. Сплав двух культур, помноженный на природную сметливость и интерес к окружающему миру, был дополнен случайностью, благодаря которой молодой Цокто оказался в составе Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг., в ходе которой смог проявить свои лучшие качества и заслужить доверие путешественника. Именно по его ходатайству Бадмажапов после окончания исследований стал доверенным лицом крупного кяхтинского торгового дома «Собенников и братья Молчановы» и переехал на новое место жительства в Алашанское княжество, расположенное в северо-западной части Китая, на южной окраине пустыни Гоби.

Несмотря на то что данная работа предоставляла ему возможность безбедного существования, природная любознательность и амбиции настоящего исследователя не позволяли Цокто Гармаевичу ограничить себя ролью успешного коммивояжера, и он просит своего научного покровителя посодействовать своему превращению в «какого-нибудь неофициального агента» [2]. Наблюдательность, скрупулезность и свободное владение иностранными языками способствовали тому, что его донесения заинтересовали и Генеральный штаб, и российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, остро нуждавшихся в надежной, проверенной информации. Молодой бурятский переводчик и торговый агент, который оказался к тому же неплохим дипломатом и завел множество полезных связей во Внутренней Монголии, Маньчжурии и даже Пекине, стал в дальнейшем неоценимым помощником и для самого П.К. Козлова. Маститый ученый благодаря его грамотно составленным запискам и метким наблюдениям мог поддерживать свой образ эксперта в том, что касается событий в Центральной Азии [2].

В конечном итоге Цокто Бадмажапов и вовсе привел Козлова к всемирной славе. Страстно меч-

тая о собственном научном открытии, он, благодаря своим связям, узнал о точном местоположении затерянного в песках города Хара-Хото, столицы исчезнувшего тангутского государства Си Ся, о существовании которого упоминали до этого другие российские путешественники – в 1886 г. Г.Н. Потанин и в 1901 г. В.А. Обручев. В отличие от их докладов, в которых содержалась лишь самая краткая информация о бытовавших среди монголов Алашани легендах о «запретном городе» в пустыне и его сокровищах, Ц.Г. Бадмажапов смог лично осмотреть развалины и сделать несколько фотографий, составив подробное и систематичное описание увиденного. На основании всех полученных материалов он подготовил сообщение для ИРГО, в текст которого включил местные предания о Хара-Хото, воссоздав его краткую историю.

По сути, Бадмажапов совершил важнейшее научное открытие и при этом не только представил всю необходимую информацию своему «покровителю» Козлову, но и отправил доклад напрямую вице-председателю ИРГО П.П. Семенову-Тян-Шанскому, а также в Главный штаб. Однако в Санкт-Петербурге было решено делу хода не давать, а вместо этого отправить в пески Алашани экспедицию во главе с П.К. Козловым, который и стал в итоге известен как первооткрыватель бывшей столицы Си Ся. Справедливость была восстановлена лишь на рубеже XX–XXI вв. благодаря бурятским ученым Ш.Б. Чимитжоржиеву, Г.Н. Зятуеву и Н.В. Ким [25], а также А.И. Андрееву, петербургскому историку, директору Музея-квартиры П.К. Козлова. На основе архивных документов и сохранившихся дневниковых записей, а также переписки Козлова с Бадмажаповым они смогли реконструировать подлинную историю обнаружения Хара-Хото и убедительно доказать, что бурятский проводник и переводчик стал автором важнейшего географического открытия. Самому Козлову, который, воспользовавшись докладом своего товарища, в 1908 г. исследовал и подробно описал Хара-Хото, были оказаны почести на самом высоком уровне, он получил аудиенцию у императора Николая II, а его вклад в исследование Центральной Азии был по достоинству оценен и в России, и за ее пределами. Цокто же Бадмажапову, который и до, и после экспедиции Козлова тщетно пытался добиться признания своих заслуг, было в этом категорически отказано. ИРГО ограничилось награждением его серебряной медалью; кроме того, первооткрыватель Хара-Хото был награжден орденом Св. Анны.

Произошедшее выглядит особенно несправедливым с учетом того, что Бадмажапов не просто снабдил Козлова всей необходимой информацией о затерянном городе и подробными инструкциями по его поиску, но и во многом обеспечил успех его

поездки в Хара-Хото. О важной роли Цокто Гармаевича, а также его младшего брата Гомбожапа, который также принимал участие в той экспедиции, можно найти множество упоминаний в дневниках самого Петра Кузьмича Козлова [9, с. 105, 108, 109, 116, 139]. В ходе их прочтения создается ощущение, что именно своему бурятскому коллеге он обязан тем, что российской экспедиции удалось заручиться поддержкой местных властей и в конце концов не только отыскать развалины Хара-Хото, но и доставить бесценные находки, которые были там сделаны, в Санкт-Петербург. Врожденная дипломатичность, наличие обширных связей в Монголии и Китае, а также способность решать самые щекотливые вопросы в том, что касается взаимоотношения с местным населением, позволяют считать Ц.Г. Бадмажапова полноправным соавтором успеха Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлова.

Впрочем, если в том, что касается научной славы, амбиции Бадмажапова при жизни так и не реализовались, то в вопросах карьерного продвижения и материального благополучия Цокто Гармаевич преуспел, при этом во многом благодаря сотрудничеству и многолетней дружбе с П.К. Козловым. По протекции великого русского путешественника он стал работать в Чите при канцелярии Военного губернатора Восточной Сибири, а затем перешел на службу в отделение торгового дома Нобеля. После Октябрьской революции, как и многие его соотечественники, стоявшие у истоков монгольской государственности, Бадмажапов переехал в Улан-Батор, где сделал блестящую карьеру чиновника и управленца. В 1925–1931 гг. он работал в правлении Центрального потребительского кооператива Монголии, был советником министра юстиции, а в конце концов дослужился до должности руководителя Монголстроя. Интересно, что и в Улан-Баторе Бадмажапов оказался полезен Козлову, который в 1923–1926 гг. застрял здесь в ожидании разрешения на путешествие в Тибет и в конце концов вынужден был ограничиться исследованием курганов Ноин-Ула в окрестностях столицы Монголии. Все это время он пользовался гостеприимством Цокто Гармаевича, улан-баторский дом которого являлся важным центром культурной и общественной жизни страны. Не случайно позднее в его стенах размещалось посольство Тувинской Народной Республики в Монголии, а в 1950-х гг. был открыт Музей истории Улан-Батора, который действует там вплоть до настоящего времени.

Последние годы жизни этого, возможно, самого яркого представителя когорты бурят-проводников географических экспедиций оказались трагическими. Вскоре после возвращения в СССР

в 1931 г. он был осужден на пять лет лагерей и отбывал свой срок в Туруханске и Сыктывкаре. Освободившись, но практически лишившись к этому моменту зрения, Цокто Гармаевич обрел временный приют у бурятской общины в Ленинграде, где, как говорят, ему вплоть до собственной смерти, наступившей в 1935 г., помогал все тот же Петр Кузьмич Козлов [2]. В 1937 г. Бадмажапов был снова арестован, обвинен в причастности к «контрреволюционной шпионской диверсионно-иностранный организации» и 3 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 15 декабря 1937 г. в Новосибирске. Реабилитирован он был посмертно, в 1957 г., «за отсутствием состава преступления».

Судьбы детей Цокто Бадмажапова сложились по-разному, однако никто из них не продолжил дело его жизни. С одной стороны, это было связано с тем, что все члены его семьи считались родственниками «врага народа» и потому старались лишиться раз об отце не упоминать. С другой же, в новой исторической реальности уже не осталось места для таких личностей, каким был при жизни Цокто Гармаевич. Его второй женой в Монголии стала Ида Павловна Йекель, немка по национальности. Старшие дочери от этого брака были также арестованы, сын, Гава Бадмажапов, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был награжден несколькими медалями, однако в гражданстве СССР ему было в конце концов все же отказано. Младшая дочь Осор-Джама до сих пор проживает в Улан-Баторе, но об отце практически ничего не знает [22]. Сын Ц.Г. Бадмажапова от первого брака, Николай Цоктоевич, получил образование в церковно-приходской школе, служил в рядах Советской армии, после чего большую часть своей жизни проработал бухгалтером в родном для отца Шараголе. Про своего знаменитого предка, к тому времени реабилитированного, старался никому не рассказывать, потому его внук, Сергей Николаевич Бадмажапов, ныне пенсионер, узнал о деде из краеведческой литературы (Полевые материалы автор, далее – ПМА. 2022 г.). Некоторые из его детей и внуков, как и он сам в свое время, работают в силовых структурах, однако наследниками славы своего именитого предшественника себя не считают. Возможно, причиной этому является то, что память о Ц.Г. Бадмажапове никак не увековечена на его родине, в Бурятии. Лишь его бывший дом в с. Кудара-сомон, который ныне служит сельской библиотекой, напоминает редким посетителям о том, что в свое время здесь, в приграничных степях Забайкалья, выросла целая плеяда выдающихся исследователей из числа местных жителей. Они прославили родную землю

не только тем, что сопровождали русских путешественников в их экспедициях по Центральной Азии, но и тем, что сами стали соавторами многих географических открытий.

Предпосылки феномена

Для того чтобы понять, как и почему из среды забайкальских бурят вышло значительное количество высококлассных проводников, часть из которых даже оставили свой след в науке, следует вспомнить о том, что представляла собой Кяхта-Троицкосавск во второй половине XIX в. К тому времени уже на протяжении более чем ста лет здесь находился крупнейший торговый центр Азиатской России. Первые международные торги в Кяхте, основанной в 1727 г. графом С.Л. Владиславичем-Рагузинским, прошли уже в августе 1728 г., спустя год после подписания Кяхтинского договора, определившего на этом участке границу между Россией и Китаем, а также порядок осуществления торговых сношений между двумя странами. Близнец Кяхты китайский город Маймачен появился по ту сторону границы спустя пять лет. Еще через десять лет Кяхта получила статус торговой слободы [14, с. 15], а в 1772 г. она становится единственным пунктом, через который могла осуществляться торговля между Россией и Китаем. Как итог, китайский чай, спрос на который оставался стабильно высоким и в самой России, и в Европе, поставлялся почти исключительно через Кяхту. Не удивительно, что уже «в 1775 г. ее удельный вес составил 8,3% в общем внешнеторговом товарообороте России» [21, с. 187]. В дальнейшем доходы кяхтинских купцов лишь росли, и если на заре чайной торговли ежегодный объем импорта этого товара равнялся 10–11 тыс. пудов, то к середине XIX в. этот показатель превышал отметку в 400 тыс. пудов в год [14, с. 59]. Не удивительно, что и сама торговая слобода, расположенная непосредственно на границе с Китаем, и находившийся поблизости от нее Троицкосавск росли впечатляющими темпами.

Основную выгоду в результате чайной торговли, а также, чуть в меньшей мере, торговли ревенем и пушниной получали, конечно же, сами кяхтинские купцы. Однако и для местных жителей, включая кочевавших в этом районе селенгинских бурят, трансграничная торговля принесла важные положительные изменения и обозначила новые горизонты. К примеру, традиционное скотоводство стало приобретать товарные черты. «Кочевники постепенно втягивались в торговые отношения, экономика бурятских хозяйств понемногу стала ориентироваться на рынок» [5, с. 63]. Обнаружив, что продукты животноводства можно использовать не только для собственного потреб-

ления, но и для приобретения других товаров, которые раньше были им недоступны, буряты принялись с энтузиазмом разводить скот на продажу. В свою очередь, вовлечение кочевников в современные товарно-денежные отношения и появившиеся, в связи с этим новые возможности привели к тому, что кругозор коренного населения Забайкалья стремительно расширялся, внутренний мир кочевников усложнялся, а потребности в знаниях об окружающем мире постоянно возрастали.

Многие путешественники отмечали, что забайкальские буряты обладают пытливым умом и стремятся к знаниям, при этом отличаются еще и природной сметливостью [17]. Все эти похвальные качества, однако, не могли бы найти себе достойного применения в том случае, если бы буряты проживали вдалеке от крупных центров международной торговли. Близость же Кяхты-Троицкосавска, а также образ жизни и склад характера местного купечества, которое вкладывало существенную часть прибыли в строительство школ, музеев и театров, привели к тому, что стремление коренных жителей к современному, европейскому образованию подкреплялось реальной возможностью его получения. «По количеству образовательных учреждений Кяхта в середине XIX в. занимала одно из первых мест не только в Сибири, но и в европейской России» [14, с. 114]. При этом преподавание здесь велось на очень высоком уровне, и китайский язык, к примеру, преподавал всемирно известный синолог отец Иакинф Бичурин. Получение образования для коренного населения Забайкалья стало еще более доступным после того, как в 1833 г. здесь была открыта войсковая русско-монгольская школа. Она содержалась на средства бурятских казачьих полков и в ее стенах могли обучаться дети бурятских казаков и ясачных бурят.

События второй половины XIX – начала XX вв., включая Опиумные войны, строительство Суэцкого канала, а также запуск движения по Транссибу и КВЖД, подорвали экономическое могущество Кяхты, однако благодаря созданной здесь до этого образовательной базе она довольно безболезненно превратилась из по преимуществу торгового и коммерческого центра в важный военный и научный центр. Связано это было с тем, что в то время определенные круги в руководстве России стали всерьез присматриваться к окраинным территориям Китая и вынашивать планы включения их в сферу российского влияния, а, возможно, и в состав России [23]. В авангарде этого «движения на Восток» оказались ученые, которые имели возможность, используя свой научный статус, собирать ценные военные и политические сведения о тех регионах Цинской империи, где власть Пекина была недостаточно крепкой, и о которых у европейцев не было в то время

надежной информации. В этой ситуации именно Кяхта ожидаемо превратилась в средоточие научно-исследовательской деятельности.

Еще до того, как это произошло, многочисленным торговым караванам, останавливавшимся здесь по дороге в Монголию и Китай, требовались опытные проводники и надежная охрана. Превосходное знание местности и владение восточными языками, которые давали местным бурятам преимущество перед русскими казаками, были в этой ситуации широко востребованы. С немалой пользой для себя они обеспечивали бесперебойность международной торговли на этом важнейшем участке государственной границы, а на их услуги отмечался стабильно высокий спрос. В условиях трансформации Кяхты-Троицкосавска из коммерческого центра в центр научной выносливые, привычные к кочевой жизни в условиях степей и полупустынь, при этом уже хорошо знакомые и с европейской культурой, буряты стали настоящей находкой и неоценимыми помощниками для исследователей. Их знание караванных троп и способность находить решение в самых безвыходных ситуациях не раз спасали жизни членов экспедиций, о чем в своих сочинениях писали Пржевальский и Козлов. Владение же монгольским, а иногда еще и тибетским языком, близкое знакомство с особенностями жизненного уклада и понимание менталитета народов Центральной Азии, которое было всегда присуще бурятам, помогали руководителям экспедиций налаживать взаимодействие с местными жителями и избегать конфликтов. В то же время опыт казачьей службы, знакомство с передовыми достижениями науки и техники, а также понимание европейских порядков и обычаев гарантировали полное взаимопонимание между проводниками и исследователями [11, с. 225].

В конечном итоге уникальный сплав степной культуры, современного образования и коммерческих возможностей, который стал возможным благодаря развитию трансграничной торговли в Кяхте, и создал предпосылки для появления здесь первоклассных переводчиков и проводников. В то же время спрос на них рос по мере увеличения числа, масштаба и сложности географических экспедиций, избравших этот приграничный город точкой старта и финиша на путях по Центральной Азии. Это удачное сочетание спроса и предложения и явилось основой появления такого уникального историко-культурного феномена, как кяхтинские проводники.

Эпилог

Как было отмечено, важнейшими факторами, обусловившими появление в приграничных районах Забайкалья профессиональных проводников

географических экспедиций из числа бурят, стали экономический бум в регионе, базой для которого являлась торговля с Китаем, а также практика инвестирования существенной части прибыли в культуру и образование. В свою очередь, это гарантировало появление прослойки людей, совмещавших традиционные и современные знания. К сожалению, потенциал приграничной торговли, которая в прошлом позволяла трансформировать приграничные районы Южной Сибири в территорию экономического процветания, обеспечивая одновременно и ее хозяйственное развитие, и сохранение народной культуры, и внешнеполитический ресурс для расширения российской сферы влияния, в настоящее время практически не используется. Свидетельством тому – плачевное положение, в котором находится некогда процветавшая Кяхта. Приходит в негодность ее величественный Гостиный двор, давно превратились в руины внушительные купеческие особняки, а также театры и соборы этой «песчаной Венеции». В отличие от ситуации XVIII–XIX вв. город не может считаться важным центром образования и культуры. По этой причине он не способен привлечь к себе молодых, амбициозных и активных представителей молодежи, которые все чаще предпочитают уезжать в соседние регионы и именно там строить свою карьеру (ПМА. 2023 г.).

С другой стороны, канули в лету и масштабные географические экспедиции. Китай в последние годы является нашим стратегическим партнером, при этом сами китайские ученые достигли впечатляющих результатов в деле познания и преобразования собственной страны и не нуждаются больше в советах заезжих путешественников. Другими словами, в Забайкалье нет больше ни спроса на грамотных проводников, способных достать в пустыне воду, договориться с племенными вождями или обнаружить развалины заброшенного города, ни предложения таких услуг со стороны местных жителей. И в этом смысле феномен кяхтинских проводников давно принадлежит истории.

Вместе с тем ситуация, когда наши современники – за исключением узкого круга специалистов и краеведов – не осведомлены о героическом прошлом бурят-проводников, а имена Дондока Иринчинова, Гомбо Шагдунова или Цокто Гомбожапова мало кому известны ныне даже в Бурятии, вызывает сожаление (ПМА. 2023 г.). Еще меньше об этом известно за рубежом, притом что имена Пржевальского и Козлова популярны и на Западе, и в Китае, а бурятских проводников в свое время лично награждали европейские монархи. Представляется, что в эпоху, когда вопросы укрепления культурных и гуманитарных связей со странами Востока выходят на

передний план, актуализация исторической памяти об этом феномене является насущной необходимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А.И. Российские экспедиции в Центральной Азии (1870–1920 гг.): научные и военно-политические аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 4. С. 103–109.
2. Андреев А.И. Мертвый город Хара-Хото был открыт дважды. Документальное расследование // Наука из первых рук. 2020. № 2. С. 72–95.
3. Арсеньев В.К. Дерсу Узала: из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток: Свободная Россия, 1923.
4. Афанасьева Н. Дело всей жизни // Охотско-эвенская правда. 2001. 18 декабря.
5. Бабаков В.В. Влияние кяхтинской чайной торговли на товарность скотоводческого хозяйства селенгинских бурят в XVIII в. // Кяхта – национальное достояние России: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта (г. Кяхта, 10–12 июня 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. С. 61–64.
6. Вайнштейн С.И. Загадочная Тува. Абакан, 2009.
7. Гедин С.А. Тарим – Лоб-Нор – Тибет: Путешествие по Азии, 1899–1902 г. СПб.: А.Ф. Девриен, 1904.
8. Давыдов В.Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб.: Кунсткамера, 2013. С. 267–280.
9. Козлов П.К. Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции. 1907–1909. СПб.: Нестор-История, 2015.
10. Михалев М.С. «Каюры XXI века» и индигенные стратегии деколонизации пространства // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 125–142.
11. Михалев М.С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКСа РАН, 2023.
12. Москаленко Н.П. Метаморфозы «тувинского поля» // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 31–41.
13. Мукаева Л.Н. Горно-алтайские проводники в изыскательных экспедициях досоветского времени (к постановке проблемы) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической

конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 340–348.

14. Необычайная Кяхта. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2018.

15. Очиров Ц.Р. Сыновья из улуса Цаган-Челутай // Кяхтинские вести. 2020. № 40. URL: <https://khtvesti.com/articles/media/2020/10/2/syino-vya-iz-ulusa-tsagan-chelutaj/?ysclid=lvu0k5ng83556180049>

16. Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012). М.: РГО, 2012.

17. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.

18. Раднаев Б. Забайкальцы в экспедиции Свена Гедина // Буряад Үнэн. 2020. 20 октября. URL: <https://burunen.ru/news/culture/72839-zabaykaltsy-v-ekspeditsii-svena-gedina/>

19. Ринчинов Дондок Гуржапович // Летопись Кяхтинского района. URL: <https://letopis-kyahtha.ru/2023/07/10/rinchinov-dondok-gurzharovich/>

20. Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Эксмо, 2017.

21. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1947.

22. Сундужева Д. Из семейного альбома Осор-Джама гуай // Толон. 2020. 9 апреля. URL: <http://gazeta-tolon.ru/index.php/rubrika/kh-nej-khubi/1092-iz-semejnego-alboma-osor-dzhamag-uaj>

23. Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма: к походу англичан в Тибет. Конец XIX века. М.: URSS, 2011.

24. Федосеев Г.А. В тисках Джугдыра. М.: Вече, 2017.

25. Чимитдоржиев Ш.Б. Цокто Бадмажапов – первооткрыватель «мертвого» города Хара-Хото. Улан-Удэ, 2006.

26. Юдин М.Л. Невольные путешественники (приключения трех оренбургских казаков в Китае) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 919–942.

REFERENCES

1. Andreev, A.I., 2012. Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'noi Azii (1870–1920): nauchnye i voenno-politicheskie aspekty [Russian expeditions in Central Asia (1870–1920): scientific, military and political aspects], Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, no. 4, pp. 103–109. (in Russ.)

2. Andreev, A.I., 2020. Mertvyi gorod Khara-Khoto byl otkryt dvazhdy. Dokumental'noe rassledovanie [The dead city of Haro-Hoto was discovered twice: a documentary investigation], Nauka iz pervykh ruk, no. 2, pp. 72–95. (in Russ.)

3. Arseniev, V.K., 1923. Dersu Uzala: iz vospominanii o puteshestvii po Ussuriiskomu krayu v 1907 godu [Dersu Uzala: from memories after the journey through the Ussuri Krai in 1907]. Vladivostok: Svoobodnaya Rossiya. (in Russ.)

4. Afanasieva, N., 2001. Delo vsei zhizni [A life's work], Okhotsko-evenskaya pravda, December 18. (in Russ.)

5. Babakov, V.V., 2018. Vliyanie kyakhtinskoj chainoi trgovli na tovarnost' skotovodcheskogo khozyaistva selenginskikh buryat v XVIII v. [The influence of the Kyakhta tea trade on the commercial value of the Selenga Buryat cattle breeding economy in XVIIIth century]. In: Kyakhta – natsional'noe dostoyanie Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu Kyakhtinskogo raiona i 290-letiyu goroda Kyakhta (g. Kyakhta, 10–12 iyunya 2018 g.). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2018, pp. 61–64. (in Russ.)

6. Vainshtein, S.I., 2009. Zagadochnaya Tuva [Mysterious Tuva]. Abakan. (in Russ.)

7. Gedin, S.A., 1904. Tarim – Lob-Nor – Tibet: Puteshestvie po Azii, 1899–1902 [Tarim – Lop Nor – Tibet: Travel to Asia, 1899–1902]. Sankt-Peterburg: A.F. Devrien. (in Russ.)

8. Davydov, V.N., 2013. Vlast' provodnika: kayury-evenki i ispol'zovanie olenogo transporta na Severnom Baikale [Power of the guide: Evenki kayurs and reindeer transportation in the northern Baikal region]. In: Popov, V.A. ed., 2013. Rannie formy potestarnykh system. Sankt-Peterburg: Kunstkamera, pp. 267–280. (in Russ.)

9. Kozlov, P.K., 2015. Dnevniki Mongolo-Sychuan'skoi ekspeditsii. 1907–1909 [The diaries of the Mongol-Sichuan expedition, 1907–1909]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)

10. Mikhalev, M.S., 2023. «Kayury XXI veka» i indigennye strategii dekolonizatsii prostranstva [The «21st-century kayurs» and indigenous strategies of the decolonization of land], Etnograficheskoe obozrenie, no. 5, pp. 125–142. (in Russ.)

11. Mikhalev, M.S., 2023. Zasechnaya cherta Vnutrennei Azii: Yuzhnaya Sibir' i evraziiskaya integratsiya [Fortified line of Inner Asia: Southern Siberia in Eurasian integration]. Moskva: IKSA RAN. (in Russ.)

12. Moskalenko, N.P., 2023. Metamorfozy tuvinskogo polya [Tuvan fieldwork metamorphoses], Vestnik antropologii, no. 1, pp. 31–41. (in Russ.)

13. Mukaeva, L.N., 2014. Gorno-altaiskie provodniki v izyskatel'nykh ekspeditsiyakh dosovetskogo vremeni (k postanovke problemy) [Altai guides in pre-Soviet expeditions (towards the formulation of the problem)]. In: Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapad-

- noi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitai): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Gorno-Altaiisk: RIO GAGU, 2014, pp. 340–348. (in Russ.)
14. Neobychainaya Kyakhta [Unusual Kyakhta]. Ulan-Ude: NovaPrint, 2018. (in Russ.)
15. Ochirov, Ts.R., 2020. Synov'ya iz ulusa Tsagan-Chelutai [Sons from Tsagan-Chelutay ulus]. URL: <https://khtvesti.com/articles/media/2020/10/2/synovyay-iz-ulusa-tsagan-chelutaj/?ysclid=lvy0k5ng83556180049> (in Russ.)
16. Perechen' nagrazhdennykh znakami otlichiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (1845–2012) [List of awarded the insignia of the Russian Geographical Society, 1845–2012]. Moskva: RGO, 2012. (in Russ.)
17. Potanina, A.V., 1895. Iz puteshestvii po Vostochnoi Sibiri, Mongolii, Tibetu i Kitayu [From a trip to Eastern Siberia, Mongolia, Tibet, and China]. Moskva. (in Russ.)
18. Radnaev, B., 2020. Zabaikal'tsy v ekspeditsii Svena Gedina [Transbaikalians in Sven Hedin's expedition]. URL: <https://burunen.ru/news/culture/72839-zabaykaltsy-v-ekspeditsii-svena-gedina/> (in Russ.)
19. Rinchinov Dondok Gurzhapovich [Rinchinov Dondok Gurzhapovich]. URL: <https://letopiskyakta.ru/2023/07/10/rinchinov-dondok-gurzhapovich/> (in Russ.)
20. Sarychev, G.A., 2017. Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po Severo-Vostochnoi chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu [The voyage of Captain of the Fleet Sarychev round the north-eastern part of Siberia, the Arctic Ocean and the Pacific]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)
21. Silin, E.P., 1947. Kyakhta v XVIII veke: iz istorii rusko-kitaiskoi trgovli [Kyakhta in the XVIIIth century: from the history of Russia-China trade]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izd-vo. (in Russ.)
22. Sundueva, D., 2020. Iz semeinogo al'boma Osor-Dzhama Guai [From the family album of Osor-Dzhama Guai]. URL: <http://gazeta-tolon.ru/index.php/rubrika/kh-nej-khubi/1092-iz-semejnego-alboma-osor-dzhama-guai> (in Russ.)
23. Ukhtomskii, E.E., 2011. Iz oblasti lamaizma: k pokhodu anglichan v Tibet. Konets XIX veka [From the area of Lamaism: on British expedition to Tibet (the end of the XIXth century)]. Moskva: URSS. (in Russ.)
24. Fedoev, G.A., 2017. V tiskakh Dzhugdyra [In the grip of Dzhugdyr]. Moskva: Veche. (in Russ.)
25. Chimitdorzhiev, Sh.B., 2006. Tsokto Badmazhapov – pervootkryvatel' mertvogo goroda Khara-Khoto [Tsokto Badmazhapov, the discoverer of the dead city of Khara-Khoto]. Ulan-Ude. (in Russ.)
26. Yudin, M.L., 1901. Nevol'nye puteshestvenniki (priklyucheniya trekh orenburgskikh kazakov v Kitae) [Involuntary travelers (the adventures of three Orenburg Cossacks in China)], Istoricheskii vestnik, no. 9, pp. 919–942. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 14.10.2024;
рекомендована к печати 03.11.2024*